

Б И Б Л И О Т Е К А

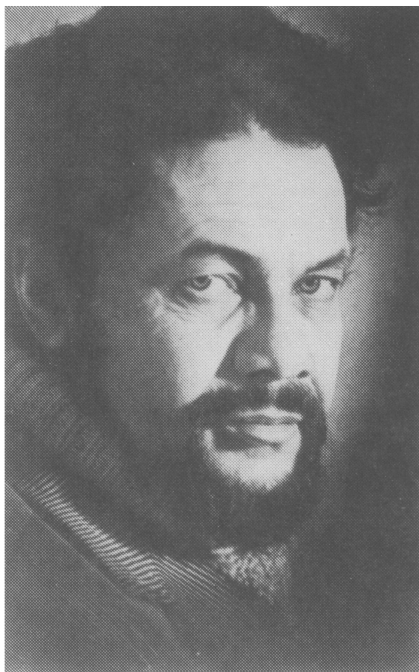
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 46

1989

Александр АРОНОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

П Е Р В А Я Ж И З Н Ъ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Издается с января 1925 года

Александр АРОНОВ

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Александр АРОНОВ

Александр Аронов родился в 1934 году в Москве. Учился в эвакуации, в Казахстане, Самарканде, Иркутске, в Москве. В 1956 году окончил Московский городской пединститут имени В. П. Потемкина. Работал учителем в сельских школах Шаховского района Московской области, в Москве. Окончил очную аспирантуру в Институте художественного воспитания при АПН РСФСР, работал матлингвистом в ЦЭМИ АН СССР.

Почти четверть века работает в газете «Московский комсомолец».

Публиковался в «Юности», «Днях поэзии», «Литературной газете» и т. д. В 1987 году в «Советском писателе» вышла его первая книга лирики «Островок безопасности». В 1989 году — второй сборник стихов «Тексты» в кооперативе «Копирайт» при издательстве «Книжная палата».

Предлагаем читательскому вниманию стихи из этих книг и ранее неопубликованные произведения поэта.

ЧТЕНИЕ

В вагоне мы к плечу плечом,
И каждый книгой увлечен,
Раскрытой и отдельной,
А на страницах слабый яд,
Домашний, усмиренный ад,
Ручной и несмертельный.

Там сказано, что болен тот,
А этот через час умрет,
А третий предан кем-то.
Но так как это не всерьез,
Никто не проливает слез
Над ужасом момента.

Макбет, Отелло, Гамлет, Лир
Уже зачитаны до дыр
И остальные тоже.
Но так как это не всерьез,
Никто не вскрикнет, и мороз
Не подерет по коже.

И автор, даже сам Шекспир,
Словами ослабляет мир
И заявляет: командир,
Забудь свой быт домашний,
Забудь свой стыд вчерашний...

...Перелистай полсотни книг,
Глядишь, и ты уже привык.
И все не так уж страшно.

ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС

В моей стране жилищный кризис
Мы в комнатенке не вдвоем:
Живем мы, с Родиной сблизясь,
Мы с ней ложимся и встаем.

Бескрайние ее просторы,
Здесь, между стулом и стеной,
Ее поля, леса и горы
Всегда соседствуют со мной.

Не знаю, надо иль не надо,
Но в нашу хлипкую кровать
Приходит на дом мирный атом
И остается ночевать.

И если выпадет минута
Коснуться милого плеча,
То это можно почему-то
Через Федота Кузьмича.

Привили мы своей надежде
Диалектический талант:
— Федот Кузьмич не то, что прежде,
Гораздо лучший вариант.

1956-й

Среди бела дня
Мне могилу выкоют.
А потом меня
Реабилитируют.

Пряжкой от ремня,
Аперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.

Спляшут на костях,
Дочку изнасилуют,
А потом простят.
А потом помилуют.

Скажут: — Срок ваш весь.
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следовательно
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем.

БАЛЛАДА О СВОЛОЧИ

Я говорю об Ольге Мишаковой,
Чрезмерно хитрой. Слишком бестолковой.
Явившейся сюда издалека.
Она в 30-х землю рыла носом.
А если проще, по ее доносам
Сажали комсомольское ЦК.

И вот в эпоху 56-го
Ее уволили. Но Мишакова,
Дверь в кабинет толкнув худым плечом,
Садилась в кресло старое. Сидела.
Не требовала, не искала дела,
Не говоря ни с кем и ни о чем.

Тогда у Ольги отобрали пропуск.
И в тот же гордый и родимый корпус
Уже вахтер ее не пропускал.
Она, как прежде, приходила в девять
И продолжала эту службу делать,
Как богом позабытый истукан.

Столп соляной был никому не нужен.
Поговорили. Вспомнили о муже.
В три дня перевели его в Рязань.
Она оставит чертову привычку!
Она в четыре шла на электричку—
Дорога не дорога, рань не рань.

Меж тем в 30-х и в 50-х
Средь комсомольских доблестных вожатых,
По-видимому, не было святых

Служили парни. Делали карьеру.
Случалось, даже подличали в меру,
Еще на поворотах некрутых.

И только эта Мишакова Ольга,
Слепая, как торпеда и иголка,
Вонзиться в мозг мой шла издалека.
И если Бог глядел в Москву густую,
То, может быть, и замечал святую,
Единственную в области ЦК.

Я жил бездарно, вздорно и нестрого
Не знал, за что мне славословить Бога.
А мог бы, если б лучше был знаком
С историей, и всей, и этой бабы,
За то благодарить его хотя бы,
Что никаким я не был вожакom.

ПЕСЕНКА НА ПРОЩАНИЕ

Здесь жить, конечно, можно
Здесь можно все исправить
Все наши прегрешенья
Назвать до одного.
Но вот настанет время
Нас в прошлое отправить—
А там нельзя поправить,
К несчастью, ничего.

Она сбежит за нами,
Придурочная слава.
Уж так распорядились
Своею мы судьбой.
Один начальник слева,
Один начальник справа,
А строго посредине
Шагаем мы с тобой.

Для нас готова вечность
За мелкими морями,
И мы рядами входим
В свой бесконечный час.
Непойманные воры
Научат нас морали
И крысы тыловые
В строю удержат нас.

* *

*

Когда распространилось воровство,
Не уважали тех, кто был обманут.
Бывало, за глаза, смеясь, помянут,
Ленивое справляя торжество.

Не смея носа высунуть во двор,
Бедняк сидел, к позорищу готовый,
Покуда под окном его, с обновой,
Удачливый прохаживался вор.

На первого, кто б заикнулся тут:
«Мол, стыдно вам, и бросить не пора ли?»
Кричат: «Да уж тебя ль не обокрали?!»
Глядишь, и тыкать пальцами начнут.

И — жили. От зари и до зари
Таская лихо, что лежало плохо.
Смешная и забытая эпоха,
Хоть тресни, не кончалась. Хоть умри.

Но мы-то разговор ведем о том,
Кто с топором — веселое орудье! —
И с воплем: «Да гори огнем, воруйте!» —
И мебель развалил, и сжег свой дом.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА ГОРОЖАНИНА

А. Юсковцу

Я ненавижу продавца.
Швейцара. Нянечку. Монтера.
Жизнь может кончиться, и скоро, —
Что ж, так и будет до конца?

Таксист, с рубля не давший сдачи,
Не стал от этого богаче.
Да ладно, пусть оно горит!

И для меня не в деньгах дело,
А в том, что он, наглец умелый,
Спасибо, гад, не говорит.

...Нет, Боже. Пусть воруют смело.
Меня не видят пусть в упор.
У нас с тобой не в этом дело.
И не об этом разговор

Пока я здесь таскаю кости,
Пока плетусь в кино и в гости,
Пока мои продлятся дни,
Пока не замер на погосте,
От ненависти, злобы, злости
Меня спаси и сохрани.

* *
*

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!

Согласен в даль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться—
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

Странно: пусть не на войне,
Никакая не атака,—
Но от гриппа или рака
Умереть дано и мне.

Были дни мои не резки,
Я чрезмерного не знал,
И трагический финал
Не подходит к этой пьеске.

Огляжу свое житье
Посреди забот субботних...
Отчего Политработник
Знает мужество мое?

Отчего Он так уверен
Что среди житейских дел
Предназначенный удел
Нам к лицу и соразмерен?

До чего мы тут дойдем,
Что сломаем,
 что построим,
Раз уходят
 не герои
Героическим путем?

ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

О чем ты там, польская, плачешь, еврейка,
В приюте, под пальмой, где стол и скамейка,
Дареный букварь, и очки, и оправа,
И буквы, в тетрадку входящие справа?
Студентик, учитель, пан будущий ребе,
Так громко толкует о хляби и хлебе,
О том, как скиталась ты в странах нежарких
Две тысячи трудных и семьдесят жалких.
Прошло две войны. Унесло два семейства.
Каникулы. Кончились оба семестра.
Ты выучишь иврит, и столько увидишь,
Забудешь и польский, и нищий свой идиш,

И ешь ты, и пьешь, и ни гроша не платишь,
Читаешь, и пишешь — и что же ты плачешь?
По мебели, на шести метрах в избытке,
По старой соседке, антисемитке.

ГЕТТО. 1943 г.

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
— Клопы горят.

А через четверть века
Два мудрых человека
Сидели за бутылкой
Хорошего вина,
И говорил мне Януш,
Мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей
Есть своя вина.

Зачем вы в 45-м
Стояли перед Вислой?
Варшава погибает!
Кто даст ей жить?
А я ему: — Сначала
Силенок было мало,
И выходило, с помощью
Нельзя спешить.

— Варшавское восстание
Подавлено и смято,
Варшавское восстание
Потоплено в крови.
Пусть лучше я погибну,
Чем дам погибнуть брату, —
С отличной дрожью в голосе
Сказал мой визави.

А я ему на это:
— Когда горело гетто...
Когда горело гетто

Четыре дня подряд,
И было столько треска,
И было столько света,
И все вы говорили:
«Клопы горят».

МАРКИ

А может быть, марки вот так разложить —
Сначала — потом — и на третье —
Чтоб расположеньем уже предложить
Концепцию хода столетия?

Но марки-то лягут, согласия полны,
Чернея, краснея, белея,
И между боями кровавой войны
Поместятся юбилеи.

...Нет, дай-ка положим людей на подбор —
Портретная ровная стенка,
Дзержинский, Руссо, Робеспьер, Косиор,
Мичурин, Вавилов, Лысенко.

Мой парень плечом ко мне тесно приник
И в щеку внимательно дышит.
Моих рассуждений, пока я про них
Молчу, он, конечно, не слышит.

Он верит, что я-то уж знаю, как жить,
И к мудрости взрослой ревнует...
А что, если марки нам так положить,
Чтоб синюю к синей — и ну их.

НАЗИДАНИЕ

Годов, столетий остерегайся,
Столь они скудны.
Внутри мгновенья располагайся,
Внутри секунды.

Доколь откладывается свиданье
В мартовский вечер,

Не сетуй деде на опоздание,
Живи до встречи.

Не жди от жалованья обновки
Яркой — да тленной.
Нейдет автобус — на остановке
Займись Вселенной.

Сует смятением не напрягайся,
Сдерживай рвения.
Внутри секунды располагайся,
Внутри мгновенья.

Душа надеяться не отстанет,
Шита на вырост,
Зря месяц денется, день обманет,
А миг не выдаст.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Когда огромные шары
Хрустального живого света
В квартиры или во дворы
С пригорка вкатывают лето,

Не приспособить к ним никак
Все рукодельное отрепье,
Да и не удержать в руках
Бесцельное великолепье.

Зачем я получаю в дар
Блещающий бескрайний шар,
Когда ему, прости, столица,
На сонмы невозвратных брызг
Сегодня ж расколоться вдрызг,
Когда ему не сохраниться?

Чего ищу по сторонам,
Завидя их среди дороги?
Не для блаженства, для тревоги
Их лето скатывает к нам.

* *
*

...Кроме того, постоянно со мной
Неотчуждаемый, необходимый
Праздный квадратик, билет проездной
С замкнутым самоназванием «единый».

Знак зодиака пути моего,
Разных поездок в недалекие дали.
Вместо чего-то, не вспомню чего,—
Перемещение по горизонтали.

В ГОСТЯХ

Значки на пиджаках, портреты на обоях.
И снежный человек уже промчался мимо.
И йога телепат приводит за собою.
Пришельцы, наконец. Почти невыносимо.

Давайте создадим гипотезу ушельцев.
Оглянемся — ведь нам кого-то не хватает:
Касанья чьих-то рук, собачьей теплой шерсти
И взгляда дальнего, что тянется и тает.

А что? Ведь только так понятна наша тайна,
Все очень сходится, и будет объяснимо
И почему мы здесь, так поздно и случайно,
И семьи не у всех, и негде брать любимых.

* *
*

Потом оказалось, что звезд как бы и нет,
Что мы напрасно глядим на бедный их свет.

Что там нас не ждет никто, как часто и здесь,
Что мы только есть на свете, если мы есть.

Что совсем впустую вселенная велика,
Если так коротка любовь, если так хрупка.

РАЗГОВОР

—...И этот день уже не изменить.
Тщета гнала и время отнимала.
И все же я успел не позвонить...
— Совсем немало, о, совсем немало.

СТИХИ С ЦИТАТОЙ

Утверждал один бакинец
С рыжей пеной на усах,
Что Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Посредине ресторана
Вставший пять минут назад,
Он, с тарелкою, старался
Что-то этим доказать.

Убежденно и неверно
Он лучился с высоты.
Это значило, наверно,
Что еще вернешься ты.

Щедрой пылкости восточной
Мимо падала струя.
Кто Эдмонд, не знал я точно,
Знал я только, что не я.

Потому-то встал и вышел,
У швейцара взял пальто
И потом уже не слышал,
Что там пели, пили что.

Било десять, было нemo,
Свет струился у подошв.
И на всю столицу с неба
Вместо снега падал дождь.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

1

Живут это люди.
Где-то на горе.

Будто на верблюде,
На самом горбе.
Небо седое
На плечах несут.
Даже коз не доят —
Так сосут.
Доживают люди
Жизнь до дна
Парня
 не любит
Девка одна.

2

Теперь это приходит к ним
Дед, борода.
Мне, говорит, охота
Ставить города.
Вот здесь, говорит,
Где глетчер —
Сто домов,
Двести пятьдесят крылечек,
Пятьсот дымов.
А тем-то что — ладно,
Валяй, строй.
Самим, говорят, не сладко —
Первобытный строй.
Повесили фонарики,
Взяли топорик —
Заводы,
Фабрики,
Все такое,
Ресторан,
Пекарню,
Университет.
А девка
 парню
Нет и нет.

3

Ну, он хорошо
А слезы-то льются.
В подпольщики пошел.

За революцию.
Каторга.
Ссылка.
Стал он арестант.
Темная посылка,
Бордовый бант.
Наконец, получше нам
Стало вчера.
Посылка получена,
А в ней — ура!
И белые!
И негры!
Свобода,
Душа!
А она
«нет», — говорит
И ша.

4

Конечно, он нервный.
Рвет пальто.
— Товарищи, — говорит,
Наверно
Что-то не то?
У этой, говорит, Дашки
Изо всех девчат
Соски,
как карандашики,
В материю торчат.
Тапок на бегу
Сденет, оденет —
И я, говорит, о деле
Думать не могу.
Мне теперь хоть с крыши,
А не только что...
— Ладно, говорят, слышали,
Надень пальто.

5

Ну, тут они его уговаривают братья за строительство, строить новую
жизнь.

— Станем лучше жить —
Дойдет и до тебя.
— Да-ть у нее мужик!

И двое ребят!!
— Брось ты, дура,
Кончай эту муть
Там уж придумаем
Чего-нибудь
Это, брат, будет
Не жизнь,
а мед:
И девка полюбит,
И баба поймет...

6

Вот и все вам факты.
И весь сказ.
У нас
 ВОТ ТАК-ТО.
А как у вас?

ГЕРМАНСКИЙ МОНАХ ВО ФЛОРЕНЦИИ

Дана ж тут женщине свобода:
Еще когда и не темно,
Среди смущенного народа
Свистеть, смеяться, пить вино.

Пустой отбрасывая кубок,
Рубашку на плече порвать,
Хорошенькой подружки губы,
Глядишь, и то расцеловать!

Узрев, себя не приневолишь
Перекреститься и забыть.
И что ж, все это для того лишь?
О, господи, не может быть.

ПЕСЕНКА О СОБАКЕ

Когда у вас нет собаки,
Ее не отравит сосед,
И с другом не будет драки,
Когда у вас друга нет.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь —
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

Когда у вас нету дома,
Пожары вам не страшны,
И жена не уйдет к другому,
Когда у вас нет жены.

Когда у вас нету тети,
Вам тети не потерять.
И раз уж вы не живете,
То можно не умирать.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь —
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

* *
*

Для того с такою яростью
Терзала и рвала,
Вот только-только перед старостью
Едва опомниться дала,

Чтоб никому не позавидовал,
Кого ни назови,—
Тюрьмы не знал,
Войны не видывал,
Зато попробовал любви.

ВТОРЫЕ СТИХИ С ЦИТАТОЙ

Еще любить не миновать,
И увлечение найдется.
Вот только разве ревновать
Мне вроде больше не придется.

И значит, я не заспешу,
Не упаду, не охромею.
Весенним воздухом дышу.
Особой цели не имею.

Апрельский день везде хорош.
Спешить, мне кажется, неверно.
Со мною спутница — ну, что ж,
Ей в ту же сторону, наверно.

Я все внимательней гляжу
И понимаю понемногу,
Что понемногу выхожу
Один
на позднюю дорогу.

* *
*

Она и без тебя живет неплохо.
Умрешь — не опечалится она.
Она почти совсем твоя эпоха,
Но все-таки она твоя жена.

И что потом смущало всех потомков,
Тебе она сумела объяснить:
Успех по службе глупых и подонков —
Ты понимал, с чем все это сравнить...

Пусть иногда жилось тебе не сладко,
Но ты не смел ругать свое житье:
Жестокости и прочим недостаткам
Эпоха научилась у нее.

КЬЕРКЕГОР¹ И БОГ

Кьеркегор говорит: — Бога нет! —
Это очень обидело Бога.
— Ну, пошло, надоело, привет!
Это как это так — меня нет?
Докажи! Но, пожалуйста, строго.

¹ Кьеркегор — датский философ XIX века.

Кьеркегор говорит: — Посмотрю,
Для начала задачку подкину.
Ты верни-ка мне Ольсен Регину,
Молодую невесту мою.

А вокруг все народы стоят,
Возле господ и Кьеркегора,
И следят за течением спора,
Затаивши дыхание следят.

Напрягает все силы Господь,
Тьму проблем на ходу разрешает
И без времени падшую плоть
Поднимает со дна, воскрешает.

Рукоплещут насельники куш,
Нет у свиты небесной вопросов:
— Видишь, наш господин всемогущ!
Значит, Бог он, ты видишь, философ?

Смотрят люди с деревьев и с гор,
С перекрестка и с крыши вокзала...
— Но еще,— говорит Кьеркегор,—
Нам Регина свое не сказала.

Тут Регина, восстав среди дня,
Потянулась, в томленье ли, в неге ль:
— Если вы воскресили меня,
Где же муж мой, где добрый мой Шлегель?

— Так-так-так, ты меня обманул,—
Кьеркегор констатирует сухо.—
Ты не Бог. Это все показуха.
Воскресив, ты ее не вернул!

Бог опять поднапрягся в тиши.
Он на лбу собирает морщины
И у женщины той из души
Изымает он образ мужчины.

— Где была я, мой друг, до сих пор?
Как жила без тебя — неизвестно.
Кьеркегор, это ты, Кьеркегор? —
Говорит Кьеркегору невеста.

И притихли народы вокруг.
Человечество пот отирает.
Овладел им ужасный испуг:
Неужели мудрец проиграет?

Кьеркегор говорит:
— Болтовня.
Это снова не хлеб, а мякина.
Если любит Регина меня —
То какая же это Регина?

И вздохнули народы. В свой срок
Их война или труд призывает.
И печально задумался Бог:
«Да, пожалуй, меня не бывает».

ИЗ ПОЭМЫ «ТУННЕЛЬ»

1. БАЛЛАДА

Мы все экзамен не сдадим.
Но чей-то правнук сдаст.
И будет он стоять один,
Совсем один. Без нас.

Стоять. Молчать. Глядеть во тьму.
И знать ее насквозь.
И помнить все о тех, кому
Дойти не довелось.

И скажут парню: «Так нельзя,
Взгляни по сторонам», —
Его далекие друзья,
Неведомые нам.

«Идет заря и рядом с ней —
Другое бытие.
Пойдем, отпразднуем пышной
Бессмертие твое».

И будет на пиру сидеть
Тот, кто экзамен сдаст.

Не разжимая губ, сидеть,
Не поднимая глаз.

2. ОТСТУПЛЕНИЕ

Вопрос об истории очень непрост и неясен:
Имеет ли смысл увеличивать знания о
Пропавшем, сгоревшем, исчезнувшем сборище басен,
Которое сплошь непонятно и столь же темно?

О, нет, не до славных теперь мне побед Александра,
И нет, не до Пирровых ныне мне горьких побед.
Я сам, я живой, стал историей. Если б и сам я
Мог вспомнить, зачем это все, раз уж этого нет?

Кому этот камень стиха, этой боли железо?
Чему и зачем эта зряшная ясность нужна
О том, как тогда-то слагала такой-то отрезок
Красивая женщина, ныне чужая жена?

Отрезок. Отрезано, значит. От резкости этой
Так хочется не изучать? Неужели нельзя?
Что там происходит, за самой последней победой?
Привет, Александр! Здравствуй, Пирр! Как живете, друзья?

3. ВОПРОС

...Что значит умереть? Не встретиться нигде,
Вертись хоть сто веков по всяким там орбитам?
И неподвластным быть всем будущим обидам?
И не уметь помочь ни в счастье, ни в беде?

И чтобы мальчик мой теперь меня не знал,
Лишь смутно иногда припоминая?
Что ж, если так — спасибо, понимаю:
Верней, чем я, никто не умирал.

* *
*

Если б ты на этом свете
Был один подвластен смерти,
А другие, то есть мы,

Жить все время оставались,
Тут ни с чем не расставались,
Избежав предвечной тьмы,—

Как бы мы тебя любили!
Что попросишь, раздобыли.
Сострадая и скорбя,
Начиная сразу с детства,
Не могли б мы наглядеться,
Наглядеться на тебя!

...Но ведь так и происходит:
Человек один проходит,
Мы, другие,— это род,
Род ведет свою дорогу,
И пока что, слава богу,
Он живет, живет, живет.

Так что в полночи и в полдни
Понимай, и знай, и помни:
Ты у нас любимый гость.
Все тебе — привет и ласка.
Остальное — только маска:
Равнодушие, скука, злость.

* *
*

Дождь. Авоська. Холод. Свертки. Ветер.
Транспортный, потом перронный бег.
Оглянись! Ты на котором свете,
Дачный муж, серьезный человек?

Электричку взять ты хочешь с бою,
Весь в заботах, словно в мелком сне.
Тридцать лет слежу я за тобою —
Не сказать, что ты понятен мне.

Что ты мчишься, глупый и отважный?
Втянут нас и перетрут миры,
Если мы в занятиях самых важных
Потеряем отблески игры

Встань. Вернись. Иди в буфет щербатый,
К пьяницам, толпящимся в тепле.
Проникай, неловкий соглядатай,
В заговор живущих на Земле.

Твой бегущий моментальный снимок
Щелкнет память и отправит вниз...
Сколько там гримас, прыжков, ужимок?
Влез в вагон? Теперь хоть оглянись.

С саженцами всяческой породы
От присевших в панике небес
Мчат на электричку садоводы,
Как внезапно тронувшийся лес.

* *
*

Перетекает в слова
трогая крыши и листья
не отказавшийся литься
с неба туда где трава

перебирает секунд
лопающиеся бусы
в шлепанцы переобулся
тихо сходя по листку

не оставляет зато
улицы без выраженья
перекрывая движенье
наших машин и зонтов

из отдаленных морей
вдоль прилегающих улиц
по середине июля
строчек и жизни моей

МОЦАРТ

Равнинная тихая местность
Куда-то уходит во тьме.

Еще никому не известно,
Что гордость равнины в холме.

А холм и не помнит про это.
Всю ночь его сводит с ума
Резная игра силуэта:
Ведь дерево — гордость холма.

Оно научилось стремиться
В неслышный, старательный рост.
Но гордость у дерева — птица
Среди разыгравшихся звезд.

В кругу мирового величья
Наохлен пернатый комок.
И музыка эта не птичья,
А веток,
 пригорка,
 дорог.

ПРОРОК

Он жил без хлеба и пощады.
Но, в наше заходя село,
Встречал он, как само тепло,
Улыбки добрые и взгляды,
И много легче время шло,
А мы и вправду были рады —

Но вот зеркальное стекло:

А мы и вправду были рады,
И много легче время шло,
Улыбки добрые и взгляды
Встречал он, как само тепло,
Но, в наше заходя село,
Он жил без хлеба и пощады.

ВОЛК

И нет свободы.
И Волк в степи

Просто на самой большой
цепи.
И когда, уйдя в свою степь,
Он садится выть на луну,
На что он жалуется —
На цепь
Или на ее длину?

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Ну, кто в театре этом главный?
Вон тот брюнет с походкой плавной.
Изящен, как сама комета,
Изображает Тигра он,
Как помесь кошки и Макбета,
Для мордобоя и балета
Единоновременно рожден.

Да чепуха. В театре главный
Вот этот хмырь, почти бесправный.
Он отдал пьесу им свою,
Где Тигра списывал он с друга,
Что свел его жену, подлюга,
И развалил его семью.

В театре главная, без спора,
Жена зануды-режиссера.
Она с актером спит. Она
В одном спектакле с ним играет,
Его и мужа презирает,
А в драматурга — влюблена.

Но всех главнее капельдинер.
Его народ недавно вымер,
Как обры некогда, а здесь,
Когда он продает программки, —
В проеме лож, как будто в рамке,
Его тоскующая спесь.

Но и его главней гораздо
Девчонка, что тиха, глазаста.
В себя вбирает зримый стон
Из недр семнадцатого ряда,
Той праздничной печали рада,
Что хлещет здесь со всех сторон.

Театр дрожит на нитке взгляда,
Он падает, и так и надо,
А рухнет — будет самый сок.
Он кружится, блестит, трясется
И, сам не ведая, несется
Куда — назад, наискосок?

И тем тут всех она главнее,
Что, жизнь прожив, не поумнеет
И, повернувши колесо,
Вдохнет ту сладостную муку
Через полвека в душу внуку,
А он и обессмертит все.

СЕМИНАР

— Первую жизнь играть с огнем,
Следующую — вести дневник,
Третью жизнь разбираться в нем
И подойти к написанию книг...

— Вы не поверите, я бы мог,
О, уважаемый педагог,
Вообразить, что всего одна
Сразу, допустим, на всё дана...

— Дерзость и глупость, мой юный друг,
И ни на что не похожий вздор,
Все это, знаете, до сих пор
Не помогало в сфере наук.

* *
*

Тане.

В удивленном городке
Ходят тучи налегке.
Постоят чуть-чуть над домом,
А потом идут к реке.

Я пишу письмо к знакомым
В удивленном городке.

Поезд шел, пишу, неплохо,
В темноте, пишу, трубя.
Проводница ночью Блока
Повторяла про себя.
Люди спали, люди мчались,
Павши на бок, навзничь, ниц,
И на столиках качалась
Скорлупа крутых яиц.
Плыли станции, как стансы,
Спали шпалы на песке...
Рано-рано я остался
В удивленном городке,
Отовсюду вдалеке,
На химической реке,
Где сейчас сажу на почте
В шубе, унтах, в башлыке

Я пишу не очень четко.
За стеклом кассирша спит.
Чемодан, как собачонка,
У моей ноги стоит.

ПОЭТЫ

На свете есть одни поэты.
На свете есть одни поэты.
Кого-кого за сорок лет
Ни повидал,
дарю советом:
Готовьте лучше сани летом!
Рожденный
вырастет поэтом.
Других путей на свете нет.

...Ну вот прозаик, выйдя в свет,
Стоит без рифм, полураздетый,
Строки дыханьем не согретый,—
Какой он жалостный поэт!

По Бессарабии кочуют,
В шатрах изодранных ночуют

Творцов сплошные племена.
А персонажей нет в природе —
Не зря ж даются их породе
Придуманные имена.

И если вдруг нужны тупицы,
Бездельники и винопицы,
Завистники и виршеписцы,
Ночных девиц лихая рать,
Своих предатели обетов,
Чужих издатели секретов —
Всех надо брать

Их больше неоткуда брать,
среди поэтов,

Постылый маленький чиновник,
Всех ваших сложностей виновник,
Сидит, препоны создаст
Затем, что лирика нагая,
Смирясь и изнемогая,
Отверстых уст не достигая,
В немой душе его гниет.

Лишь смутно ведают народы,
Что ужас мира, стыд природы,
Упрек богам, Земли злодей,
Тиран, гнетущий треть планеты,
Однажды не прошел

С того и мучает людей.

Ты видишь,
слушатели в зале.

Спроси любого,
все б сказали:
«На сцене длинная скамья...
Тот, что там плачет и смеется,
Пускай уж, ладно, остается,
Но рядом с ним

хочу и я!»

И если только в самом деле
Друг другу мы не надоели,
Давайте поровну поделим
Весь этот глупый наш успех.

Мы все уйдем, молва не лжива.
Ну, а пока —

* *

СОДЕРЖАНИЕ

Чтение	3
Жилищный кризис	4
1956-й	4
Баллада о сволочи	5
Песенка на прощанье	6
«Когда распространилось воровство...»	7
Вечерняя молитва горожанина	7
«Остановиться, оглянуться...»	8
«Странно... пусть не на войне...»	9
Хайфа. Лагерь для переселенцев	9
Гетто. 1943.	10
Марки	11
Назидание	11
Летнее утро	12
«...Кроме того постоянно со мной...»	13
В гостях	13
«Потом оказалось, что звезд как бы и нет...»	13
Разговор	14
Стихи с цитатой	14
Веселенькая история	14
Германский монах во Флоренции	17
Песенка о собаке	17
«Для того с такою яростью...»	18
Вторые стихи с цитатой	18
«Она и без тебя живет неплохо...»	19
Кьеркегор и Бог	19
Из поэмы «Туннель»	21
«Если б ты на этом свете...»	22
«Дождь. Авоська. Холод. Свертки. Ветер...»	23
«Перетекает в слова...»	24
Моцарт	24
Пророк	25
Волк	25
Представление	26
Семинар	27
«В удивленном городке...»	27
Поэты	28
«Обычный текст,— сказали ангелы...»	30
Анонимное завещание	30

АРОНОВ Александр

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 8.09.89. Подписано к печати 27.10.89.
А 00397. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура
«Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,49. Тираж 150 000 экз.
Зак. № 1178. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Прав-
да». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1990 ГОДУ**

Теории. Школы. Концепции (Критические анализы). — Интерпретация и деконструктивизм (15 л.). В седьмом выпуске известной в СССР и за рубежом серии впервые в советской науке рассматриваются во взаимосвязи интерпретационные и методологические идеи современного западного литературоведения и искусствознания.

Коренева М. М. Юджин О'Нил и пути американской драмы (18 л.). Эта книга — один из шагов на пути возвращения в нашу страну отлученного от нее на долгие годы Юджина О'Нила, чьи пьесы несли в себе трагическое предсказание грядущих катастроф...

Морозова Т. Л. Спор о человеке в литературе США (История и современность). (15 л.). Книга рассказывает о рождении национального героя — «нового Адама» — в произведениях звезд американской литературы XVII—XX вв.

Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика (20 л.). Выдающиеся исследователи и переводчики древних авторов — Сергей Аверинцев, Михаил Гаспаров и др. — посвятили этот труд вопросу о взаимосвязи литературной формы и образа мышления у античных писателей.

Эти книги, выходящие во II полугодии 1990 года в издательстве «Наука», можно предварительно заказать в магазинах «Академкниги», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации. Для получения книг почтой заказы направляйте по адресу: 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, д. 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкниги».